

Валерий Граждан

**ВОЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
КОМЕНДОРА-ПОДВОДНИКА
СТАРШИНЫ ДЕРЯБИНА**

Валерий Аркадьевич Граждан
Военные приключения
комендора-подводника
старшины Дерябина
Серия «Морские истории и байки»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24161158
ISBN 978-5-906858-43-6

Аннотация

Рассказы Валерия Граждана, в прошлом подводника, они о тех, реально живущих служивших на атомных субмаринах, где героизм – быт, а юмор – та дополнительная составляющая быта, без которой – амба! Проза Валерия Граждана, по сути, попытка стереть модные «плевочки» с понятия «патриотизм», попытка помочь россиянам полнее осознать себя здоровой, героической и весёлой нацией.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	20
Глава 6	23
Часть вторая	26
Глава 7	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Валерий Граждан

Военные приключения комендора-подводника старшины Дерябина

Часть первая

Выжить

Глава 1

Родился в канаве

Как и любого пацана деревни Канава Симбирской губернии, что на самом краешке берега Волги, его родила мать Авдотья от отца Ильи Дерябина. Случилось сие в 1915 году от рождества Христова. Так писано в церковной книге соседнего селения Нижняя Часовня, где была церковь Господня и посему имеющего статус села. А происходило это в нужде непролазной и почти поголовной по обстоятельствам всеобщей мобилизации «мужецкого населения на войну с германцем за Царя и Отечество». Затем мальчонка рос как по-

первоначалу, так и позже практически без особого самостоятельного и на подножном корме. Отец Илья, потомственный крестьянин, управился с производством наследников аккуратно до призыва воевать в государевы войска. Так что осталась Авдотья – Дуся многодетной солдаткой. Четверо за подол, а пятый – на руках. Не успел Илья толком нанюхаться отравляющих газов от германца, как жена известила его о пятом рте в семействе: понесла она от его любви ещё одного сыночка. Батюшка Онисим окрестил Степаном. А самого кормильца – то уже к весне возвратили, да напрочь израненного. Вернулся служивый, почитай через год войны. Была на нём насквозь простреленная в пяти-шести местах шинель с чужого плеча. Своя-то осталась в окопе вместе с оторванными правой рукой, лёгким и рёбрами. Так что в свою захудалую деревеньку по чудному прозванию «Канава» его доставили на перекладных, будто посылку.

Ко всему Илью изранило так, что хозяйствовать и кормить семью мужик уже никак не мог. Почитай – ополовинили молодца: без руки, глаза, лёгкого, почки и чего-то ещё из ливера с правой стороны. Одним словом Илья и жилец-то был никудышний. Токмо и сидел-посиживал изувеченный солдат с утра до ночи на завалинке. Не лез ему сиротский кусок в горло. Курил самосад не переставая. А закашлявшись, уходил в кусты, дабы сплюнуть сгустки крови куда подальше от глаз. Смотрел единственным слезящимся оком Илья на Волгу, на белый в цвету правый берег и...умирал. Семья

от зари до зари трудилась на земле. Сынок Степка один елозил по завалинку и часто вглядывался наивно по-детски в обожжённое порохом лицо отца. Илья гладил его по головке оставшейся левой рукой и смахивал рукавом слезу. Обида душила солдата: за что бог послал такие муки его семье? Ведь Стёпка был пятым ртом и младшим в семье. Дуняша, с виду моложавая, но уже многодетная мать, вскорости стала матерью-одиночкой. Буйной весной снесли на погост её любимого Илюшеньку. В небе над могилками заливались трелями жаворонки, разнотравье дурманило голову, а вечерами надрывали душу соловьи. Только и остались на память о муже дети, свадебная фотография с голубками, да Георгиевский крест героя за спасение командира полка. Как было прописано в царёвой бумаге: «Не щадя живота своего, закрыл грудью от мины вражеской старшего офицера Его благородие...»

Из губернии прибыли большие начальники и Дерябина Илью схоронили с подобающими почестями. По слухам был на похоронах и тот самый «высокоблагородие». Красиво и долго говорил, хотя деревенские поняли едва половину. Вдове отписали небольшое вспоможение: деньги не ахти какие, но всё-таки. А детей предложили сдать в приют на полный государевый кошт. Авдотья помощь взяла, а деток в приют сдать отказалась. Да и родня обещала помочь: где сеном, да огород посадить-выкопать. Всё не дадут с голода сгинуть. А тут ещё беда приключилась: пьяный улан чуть не зарубил

шашкой брата Кольку... Стёпка заорал от страха, а конник лишь засмеялся своей выходке. С тех пор стал малец заикаться. А деревенские дразнили его за это.

Крепко выручала Дерябиных корова. Из затона возили на ней сплавные брёвна на дрова, да с лугов сено. Всем семейством помогали умнице Красухе: толкали телегу с душистым сеном. Оберегали кормилицу как могли. Ведь не коровье дело возы возить. Но Красавка гордо держала голову в самодельном хомуте, будто сама мать семейства. Ходили ребятишки на мельницу подметать двор. А из просеянной муки с лебедой, серой от пыли, пекли хлеб и лепёшки. Собирали все съедобные коренья и листья: лебеду, солодку, щавель, корни репейника, листья свёклы, корни одуванчика. Грибы брали почти всякие, годные к столу. Старшие Захарка, да Нюра напросились в подпаски. На выгон все выносили сиротам кто что мог. Тем и жили. А на сенокос Захарка прино ровился подкашивать траву на выгулах. Как задует ветерок с Волги, да отгонит оводов от смирённого стада, так подпасок и за косу. А вечером, после дойки, Красавка везла телегу-двухколку с зеленым сеном ко двору. Здесь же и сушили корм на зиму.

Авдотья так и не стала сызнова выходить замуж. А сватались за хозяйственную и ладную телом женщину ещё вовсе не старые мужики. Даже с Верхней Часовни один дельный мужик наезжал. Старший сын упрашивал: «Мамань, ведь на службу мне неровён час, а в доме – одни девки, да малыцы.

Кто хозяйство держать будет? Нешто Колька с Илюшкой... А ты всю жизнь без продыху!» Но Евдокия лишь всхлипывала, уткнувшись в уже почти мужскую грудь сына: «Да куды ж я от вас теперь-то? Переболело моё сердце. А как тот мужик к вам поглянется – одному богу известно. Никто доселе не изгалялся над нами, а ведь как худо было! Да ить Нюрка наша скоро заневестится! А там и за Машуткой черед. Гляко, ить красавица растёт, да рукоделица! А мужикам на роду написано служить. Не тужи. Не ко времени ишшо».

Глава 2

Царёв мост

Раньше-то все новости узнавали от Верхней Часовни (там тракт и ямщицкая с почтой), да с перевоза, что у самой Кана-вы. Они и про войну-то узнали от правобережных городских. У уж после, когда мужиков повально забривали в «некру-ты», как оповещала бабка Меланья. Она же потаённо дели-лась страшными вещами: «Большаки супротив царя смуту сеют. А коноводит всем их земляк Ульянов.» А теперь и во-все перевернулся весь свет: всё Заволжье запрудил рабочий люд. Зачали строить Царёв мост через Волгу. Почитай так, что по «царёву указу» учинили эдакую стройку. Заполони-ли весь берег: железа всякого – тьма, досок, брёвен, казён-ных ящичков со станками, горы коксового угля для кузнечно-го дела. Ведь ещё до Германской войны про мост талдычили, будто сам царь Николай выделил на него аж четырнадцать мильёнов рубликов. Да на те деньги съехался деловой народ, почитай со всей Европы: агенты, да приказчики. А сам про-фессор Белелюбский из Петербурга выправил на мост все бу-маги, да чертежи. Только по Петропавловскому Спуску по-настроили приказчикских контор, да агентств с десятков, а то и более.

Фермы моста делали на огромных клёпках, кои выковыва-ли тут же, у стройки в кузнях. Перезвон стоял денно и нош-

но. Напривозили ковальческих машин и они мощно ухали на всю пойму Волги. А однажды случился большой пожар: раскалённая клёпка выскользнула из клещей, да прямиком в стружку на леса. Зарево освещало всё Левобережье почитай сутки. Выгорело более двух пролётов готовых лесов. С месяц плотники со всей округи возводили строительные леса заново. А потом, как бают люди, случился какой-то грех незамоленный и страшно пошла оползнем земля с берега под тот мост. Много люда погибло, особенно мастерового.

Конфузия вышла и с поименованием моста. Было общее мнение дать мосту имя «Государев», а по бумагам «Мост Его Императорского Величества Николая Второго.» Но на то нужно было испросить Его Высочайшее соизволение. А к тому «соизволению» следовало произвести некую канцелярскую заковыку. По ней, дающий наименование, обязан быть львиным дольщиком в тяжбе. Тогда с ведома Симбирской Думы отписали в дарственную собственность железнодорожного моста 47 десятин земли. А 3 марта 1913 года состоялась торжественная закладка первого камня. И уже в октябре 1916 года по мосту были пущены первые железнодорожные составы. Народу стеклось видимо-невидимо. По обе стороны моста выстроились солдаты. Пожарники так наяривали всяческие марши, что даже дамы пританцовывали.

Но вот паровоз вывалил из высокой трубы клубы дыма и пустил из-под колёс пар. На перроне женщины взвизгнули от неожиданности. А сам начальник станции отзвонил в брон-

зовый колокол. Грянул с новой силой оркестр в такт бунчуку капельмейстера... Загремели буферами и сцепками вагоны грузового состава. Чугунные колёса начали свой перестук по новеньким рельсам. А стоявшие на берегу Волги поодаль от моста вскоре увидели, как паровоз взошёл в первый пролёт ажурного моста. Все закричали «Ур-ра!!», а из пушек дали в небо цветастый салют. По прошествии некоего времени через мост проследовали убранные мишурой вагоны с важными чиновниками из самого Петербурга. А жители Заволжья уяснили, что навеки ушла от них спокойная крестьянская жизнь.

Глава 3

Революции надо патроны

Ночью Авдотья с Захаром будили детишек: «Живее вставайте, родненькие! Не то сгорим в одночасье! Красавку, кур выгоните во двор... Да воды поболе в кадушки наливайте. А ты, Стёпка, на-ко иконку Божьей матери, да лезь на крышу! Твори, твори, как я учила, молитовку «Отче наш», да поливай с ковшичка тёс. Может Бог и помилует сиротскую семью!»

Меж тем пламя на соседском доме возвысилось до самого звёздного неба. Люди метались в дыму, истошно орали бабы, плакали дети. А пожар гудел неистово, стреляя искрами во все стороны. Горел казённый дом для беженцев и переселенцев. Случались там меж мужиков безутешные попойки от нищеты бескрайней. Вот и обронил кто спьяну сигарку. А в жару эдакую и занялось. Теперь уж не унять: зарево до неба!

Отстояли Дерябины своё нехитрое хозяйство. Измотались за ночь и заснули под утро мертвецки. Едва Захар поспел на работу, лишь попив чаю. А погорельцев поселили в один из новых бревёнчатых бараков, где только и были, что стены, да печи. Так что стало мужикам не до питья: наступали первые холода и крыша над головой – куда надобней.

По всей стране к этому времени творился невообразимый

кавардак. Обрело хождение новое слово «политика». Кому и зачем она нужна – никто толком уразуметь не мог. Каждая из спешно создаваемых партий тянула одеяло власти на себя. Власти же действующие стояли на том, что «австрияков» следует вздуть как следует и «вести войну до победного конца». А это означало, что всей Российской империи надобно в поте лица производить пушки, танки, провиант, пулемёты, винтовки и ПАТРОНЫ к ним. Люди же попросту хотели есть и жить без выстрелов и грабежей. А тут вслед за мостом в Заволжье Симбирска спешно возвели и расширили Патронный завод. По тем временам с самой передовой технологией производства. А с ней пришли питерские, революционно настроенные рабочие, интеллигенция. Ко всему прибавились солдаты, «воткнувшие штык в землю». А возвратившись к родной земле в деревни, бывшие крестьяне увидели поруганные хозяйства с невесть откуда взявшимся продналогом.

Бесперебойно работал лишь патронный завод. Всё больше открывалось новых цехов. И подались крестьяне деревень Канавы, обеих Часовень и Карасёвки на «патронник», бросая землю и становясь рабочим классом. А Революция, переходя в войну Гражданскую, всё более окрашивалась в красный цвет, – цвет людской крови. Обильно был полит кровью и патронный завод. Предприятие переходило из рук в руки: от царского Правительства к Временному, от них-к большевикам. Позже навалились белочехи и каппелевцы. Все имели прямо противоположные цели. Одни – демонтировать и вы-

везти за границу наиболее ценное оборудование. Рабочие и большевики прятали и зарывали в тайники всё, что могли и хотели сохранить. Многие за это были расстреляны прямо у края вырытых под станки ям. И, несмотря на всё это, патроны с завода отгружали регулярно. Революция, переросшая в Гражданскую войну, требовала: патроны, патроны, патроны.

Глава 4

Голодные глаза смерти

Шёл 1920 год, год разрухи и войн. Из всех семей в стране разве что треть не особо голодали и имели сносную одежду. В наших деревнях так-сяк сводили концы с концами. Материально поддерживал завод, а продукты росли на сохранившихся огородах. Сельчане привыкли к бесконечным стрельбам и посвистам конников. Всё приходилось прятать: непрощенные гости в форме и без таковой брали всё не спросясь. Шашка на боку, значит хозяин. А чем будут сыты домашние – их не интересовало. Дуся пряталась с девочками от насилия в зимнем погребе, что под сараем. Из хозяйства у Дерябиных сохранились лишь корова, да куры. Потом не стало и их: зарубили на мясо казаки. И в усадьбе стало почти пусто. Выручала кукуруза, что буйно росла по огородам и на пустырях. Теплилась надежда на припрятанную от бандитов тёлочку, что осталась от Красавки.

Авдотья приноровилась к шитью, да так сноровисто и гладко, что ей довольно хорошо платили. Захар выучился на слесаря и помогал только косить сено младшим братьям для подрастающей Зорьки. Почитай всё лето оберегали её лесами по над Волгой, пока с войнами поутихло. Редкими вечерами семья Дерябиных собиралась в отчем доме вместе. Нюра с Машей всё больше хлопотали подле матери, постигая

искусство шитья. Здесь девочкам было по-настоящему интересно: почти как тот же скульптор швея подчёркивает фигуру человека. А зачастую делает парня или девушку неотразимыми в сшитой ладной одежде. У Дуси несомненно был дар художницы. Старший в семье Захар давно принял как должное статус «мужика в доме». От крыши на их бревёнчатом доме, до порванной обуви – всё мог изладить парень. «А ведь заберут, заберут в солдаты лихоимцы Захарку!» – со слезами тихо причитала Авдотья.

Расширялся, строился патронный завод. Появились первые каменные дома, прямо как купеческие на правом берегу. Но у вновь прибывших не было садов-огородов, да и не больно-то сноровисты были новосёлы из Питера к земле. Так что сытыми не были все. Зато кроме младшего, не вышедшего возрастом Стёпки, все Дерябины ходили бесплатно в школу. Белогвардейцы и просто конные банды носились по деревням и грабили, грабили. Мало того, уводили силком с собой молодых парней, насиловали девочек. В домах остались по большей части женщины, старики, да подростки. Детишек уже почти и не рожали: не от кого.

Но вопреки разгулу голодухи, палисады не зорили, сады-огороды не грабили. Сами люди делились, коли совсем неумоготу было кому. А бывало, как слышат где бой, да выстрелы, так втихую шастали туда: авось убитого коняку освежают. Тогда с полсела наедались, а кому и похлёбка с костей в радость была. Вот её более и хлебала сиротская се-

мья. Мясом не много охотников находилось делиться. Разве что родственники кусочек на всех уделяли.

А с лебеды да кукурузы не больно справным будешь. Но как-то Дерябиным сподобилось за грибами пойти, да довелось между молодых сосёнок увидеть страшное: на полянке лежал убитый конь, а под ним мертвяк-улан в форме. Видать беляк. Ребят было трое: Маша, Коля, да Стёпка. Знамо дело – опешили и было побежали прочь, да замешкались. А Колька почти шёпотом остановил: «Стойте! Совсем ополоумели, что ли? Кого испужались, ведь улан совсем застреленный! А с лошади мяса гора будет. Нам хватит, да родню позовём – подсобят. Стёпка, тащи шашку, мяса наполосуем.» И долго пилили, рубили тугое конское мясо. Потом Стёпка догадался: «Надо мясо на шишках еловых закоптить, не то собаки учуют и не дадут пройти по селу!» Разгребли опавшую хвою подалее от сосен, чтобы пожара не наделать... Но тут спохватились: спичек-то нету! Догадалась Маша: «Поди у конника в карманах спички, не то зажигалка есть!» И все посмотрели на Кольку: он старший и парень. И Коля нагнул над мёртвым: страшно! Но пересилил себя и полез к нему в карман. Достал серебряный портсигар, но спичек не оказалось. Другая нога и карман была под конём. Стёпка в одночасье приволок суковатую важину. Затесал её поудобнее, а Коля подсунул под коня. Натужились, но штанина не поддавалась. А Маша и говорит: «Дурни, штанину-то разрежьте, вот и карман наружу выйдет!» Была в кармане зажигалка, да интерес-

ная больно – под стать тому портсигару.

Так и ушёл весь день, пока не перекоптили то мясо. Почти затемно отправились домой. Ручки у лукошек едва не обрывались от тяжести. Дядька Егор, родня мамки, жил в Карасёвке, где и лежал их путь домой. Они с сыновьями помогли племянникам отнести домой мясо, да и сами затарились, почитай на зиму. Голод отступил, хотя и ненадолго. В супе из лебеды и крапивы появились мелкие кусочки мяса. В дополнении к хлебу, выдаваемому по карточкам на заводе – это напоминало скромный обед.

Если почитать документы тех лет, то люди ели даже грызунов и собак. Были случаи каннибализма. Страшные картины описывают уцелевшие свидетели тех лет: «По селу проезжала телега в сопровождении четверых мужиков. Они собирали выползших на улицу умирающих жителей. Заходили в хаты, выносили трупы стариков и детей. Всех укладывали навалом друг на дружку. Некоторые ещё шевелились. За деревней всех сваливали в овраг и ехали за новой партией умирающих и трупов.» Это лишь махонький фрагмент из той повальной, региональной, леденящей душу свирепой картины разгула смерти. Голод порождал инфекции, но к заболевшим мало кто рисковал подходить: боялись заразы. Да и лекарей сыскать редко удавалось.

Дерябиных будто сам бог хранил от напастей. Но и сами ребята не знали праздности: скотина, огород, завод, шитьё... Брались за любую работу, ничем не гнушались и всё у них

получалось. Даже грамоте и рукомеслу все обучились, но хозяйство и огород не бросали, особо в 30-е годы, когда голод шёл по всему Поволжью. Особо охраняли по ночам выросшую тёлочку Зореньку. Поселковские в кражах не были замечены, а вот опасались варягов.

Глава 5

Стройки, ОСОВИАХИМ

С кончиной Вождя мирового пролетариата В.И.Ленина Россия как бы замерла на мгновение в своём революционном беге. Остановилась с намерением осознать значимость и величие свершаемого. Экономика была порушена, вооружённые силы носили зачаточный характер. Стране срочно следовало придать рывок, спасающий от катастрофы нации в целом. И это было сделано. Прежде всего объявлен призыв к революционной молодёжи на стройки и восстановление промышленности, армии и флота. А прежде всего – сесть за парты и учиться.

Впервые после смерти отца Дерябины взялись за обустройство своего дома. После пожара остались изломанными ограда и колодец. Надо было всё излаживать самим. На пепелище набрали кусков штукатурки, досок, извлекли дранку, глину, добавили своего. А вечерами Маша с Аней пели и месили в окорёнке глину, Илюшка с Колей набивали ею обрешётку, что прибивал к брёвнам Захар. А уж мать ровнёхонько разглаживала и затирала мастерком, делая стену изумительно красивой. А у Авдотьи душа радовалась за детей: славные они у неё!

После побелки в хате стало необыкновенно светло и празднично. А Захар принёс из ОСОВИАХИМА (Общество

содействия армии, авиации и химическим войскам, в последующем – ДОСААФ) плакаты с призывами идти в армию, авиацию и флот. И изба стала прототипом Комиссариата. А опора Авдотьи Захар вот уже пару лет пропадал все выходные в Аэроклубе. И вот настал его звёздный час: под гром оркестра увезли парня и других односельчан в лётное училище. Долго стояли заволжцы, провожая паром с новобранцами. Плакали, махали платками.

Коля безропотно заместил Захара. Но его слушался разве что Илья и иногда Машутка, да и то из уважения к его старшим парням-заводчанам. Аня на Покрова выходила замуж за комсомольского вожака завода. Вот уж года два она тайком от матери бегала на собрания РКСМ-комсы. А там её просто очаровал Сашка Остин, сын питерского рабочего-большевика Демида Остина.

Аня и Александр твёрдо решили ехать на новостройку в Сибирь, как только Саша закончит техникум. А Райком комсомола работал чуть ли не круглосуточно, оформляя путёвки на новостройки Сибири и Дальнего Востока. Авдотья по ночам металась во сне: распадалась её семья. Вырывали из сердца её деточек!..И всё чаще она ходила под Архангельское на погост к своему суженному Илюшеньке. Там целовала его фотографию: молодого и бравого солдата. Рыдала, уливаясь слезами: «Илюшенька, милый мой! Одна ведь скоро я останусь!» Тогда, с началом мобилизации приезжал в деревню фотограф и бесплатно фотографировал уходящих

на фронт. На многих могилках были те самые фото: всё, что осталось от мужей, сыновей, братьев. Говорят старые люди: родится много мальчиков, – быть войне! А в 20-е годы родилось невероятно много мальчиков...

Глава 6

Будь готов!

Захар приехал в отпуск через год. В этот день Степана принимали в пионеры на площади у завода. Присутствовали многие заводчане, директор и парторг с комсоргом. Подошла очередь повязывать галстук пионеру Дерябину... Среди собравшихся послышались возгласы: «Стёпка, глянь, кто к вам приехал! Ведь не иначе, как Захар!» Все обернулись в сторону стройного военного курсанта в голубых с позолотой погонах. Все разом заговорили: «Глянь, да ведь это точно наш Захар Дерябин, сын Авдотьи! Точно он!» А Дуся, ойкнув от неожиданности, кинулась к сыну в объятия: не ждала его так рано. А уж как был рад и горд Степан, когда брат вместе с пионервожатой повязали ему галстук. «Пионер Дерябин, будь готов!» – сказала вожатая. – Всегда готов! – отдал салют Степан и брат ответил ему отданием воинской чести. Салютовала и комсомолка-вожатая. На радостях никто не заметил, что зайка Стёпка ЧИСТО сказал: «Всегда готов!» Да он и сам поначалу не обратил внимания на это. Потом вся семья Дерябиных шла к своему дому. А Илья с Николаем по очереди несли чемодан Захара. Их сердца были переполнены радостью. К ней прибавилась другая: многолетний недуг Стёпушки исчез так же внезапно, как когда-то появился в младенчестве.

Теперь уже трудно выяснить, а тем более понять стихийный голод в Поволжье. Был и неурожай, но не такой уж свирепый, чтобы косить людей деревнями. Были и поборы в виде продналогов и нечто подспудное, спрятанное под лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Была ли в этом лозунге необходимость в фактически аграрной стране. Проще: глупо отторгать руку во имя усиления ног!

Большевики порешили Россию превратить из страны аграрной в страну промышленную. Тем самым объединить вокруг себя те основополагающие силы страны – рабочий класс. А фактически создали условия, при которых миллионы вчерашних хлеборобов бездумно перенацеливались на **СВЕРШЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ** идей. Забрасывались земли, которые и без того трескались от засухи и бесхозяйственности. Ко всему самым высокопроизводительных и посему зажиточных крестьян объявили враждебным пролетариату классом: кулаками. И ещё миллионы хлеборобов, скотоводов, маслоделов, мукомолов, льнопроизводителей попали в концлагеря и были обречены на вымирание ещё при доставке к местам ссылки. Повсеместно строили ГЭС, каналы, заводы... Вот вкратце те изначальные и очевидные условия страшнейшего голода 30-х годов.

Многие ещё удивляются: действительно ли отправляли пшеницу и мясо за рубеж, когда в стране была повальная смертность от голода? И лишь в сегодняшние дни получаем ответ: да, отправлялись по ранее подписанным договорам.

Брали за рубежом станки, оборудование, машины для тысяч новостроек, давая обязательства расплатиться продуктами первой необходимости. И расплачивались продуктами...на глазах миллионов умирающих с голода.

Но большевики лицемерно готовили в замену новое поколение, говоря им: «Верный ленинец, будь готов!» На что малыш лет десяти отвечал: «Всегда готов!» И ни у кого не приходило в голову спросить: «А к чему надо быть готовым?» Позже вступительную фразу дополнили: «Верный ленинец, к борьбе за дело Ленина-Сталина будь готов!» И штамповали отряды, полки, дивизии «ленинцев», приплюсовывая к ним «павликов морозовых». Последние предавали родителей во имя «дела Ленина-Сталина». Тогда этого толком никто не понимал. «Будь готов!» и дело в шляпе. В итоге выросло поколение с выражением говорящее: «Всегда готов!». Позже пытались придать некий смысл фразе, выразив в виде «Кодекса строителя коммунизма». Но пока шли голодные 30-е годы и население европейской России готово было ехать хоть к чёрту на куличики, чтобы спасти себя и детей от голодной смерти. Молодёжь, сиречь «комса», ехали больше по зову молодости и романтики.

Часть вторая

Славное море...

Глава7

Последний взгляд

Шёл самый голодный 1932 год. Иногда доходили посылки от Захара и Нюрочки из Сибири. Лётчик экономил шоколад и слал под видом книг и одеколонил. За паёк может наказать начальство, а хуже того – сопрут по дороге. Посылки нюхали, трясли, а ежели пахло съестным – грабили. Аня тоже хитрила: заворачивала припасы в рубероид и смачивали его соляром.

Машенька с мужем уехали в Омскую область: там колхозников наделяли землёй и голода в тех краях не знали. А Колюнька, как закончил школу, так его Комиссариат отправил учиться по политике, знать тоже определяют в комиссары. Его ещё в школе выбрали комсоргом и редактором газеты.

Всё бы хорошо: вырастила, обиходила, в люди её деточки вышли, а душа болью болела неустанно: Стёпочке, её кровиночке последней шёл семнадцатый годок. На заводе ему уж и разряд дали, доучивался в вечерней школе. Даже занимался борьбой в заводском спортзале. Уж больно хотелось зарабо-

тать Золотой значок ГТО. Ко всему запала ему в голову мечта попасть в моряки. Но туда призыв был с 22 лет. И, хоть кол теши – не отступается! Уж и плакала Авдотья, и к тётке Сафронихе на заговор ходила, – всё понапрасну. Одно утешало: на флот брали через пять лет. А сыну едва 17 стукнуло. Вырос парень крепким, кряжистым и равных ему в борьбе ни в Канаве, ни в Часовнях не было. Боролся молча, упорно, с натиском. И неизменно побеждал. Но тешилась Дуся на малолетство Стёпы недолго. Не зря ныло сердце матери. – Стёпка, завтра нашенских провожать будем в Сибирь! Приходи на Верхнюю Часовню! А то вместеях двинем! Мы с пацанами бричку у завхоза выпросили. А назад поедem – сена ему накосим. Там почти все заводские будут. Айда?!

С утра в воскресенье Степан одел сшитую матерью рубашу и выходные брюки. Начистил сапоги. Даже фуражку одел «мичманку», подаренную Захаром, приезжавшим накануне в отпуск с молодой женой. Так что Стёпка, хотя ростом вышел в отца: не больно высок, но широк в плечах и выглядел старше своих лет.

Вышел парень из дому, засмотрелся на Волгу. Подставил лицо солнцу, что всходило из-за бора над берегом реки. Рыжим комком выкатился из-за хаты лохматый кобель Шарик, ткнулся носом в колени Стёпки. И собака, как видно чуяла, что расстаётся со своим попечителем НАВСЕГДА. Авдотья стояла на крыльце и краем платка смахивала невесть почему накатившуюся слезу. Она ещё долго стояла и смотрела

вслед уходящему сыну. А сердце колотилось неистово, предсказывая: «Совсем, совсем, навсегда уходит сыночек!!» Хотя прекрасно понимала, что никуда её Стёпушка не денется. А как обычно проводит своих старших и взрослых товарищей в дальние края. А к обеду будет дома. Но душа просто вопила: «Не вернётся Степан! Не видеть тебе его более!!» Затем она присела на ступеньки, да и тихонько сползла на шелковую траву у дома: «Ушёл мой сыночек! Одна ведь я теперь!!» И забилась в рыдании.

А Стёпка вышел к дороге, где его поджидали дружки на бричке. Легко вскочил на облучок и повозка покатила, оставляя Канаву всё дальше и разве что для истории. Обогнали ребят с Карасёвки – те тоже провожали своих деревенских, завербовавшихся на Дальний Восток. Солнце касалось вершин садовых деревьев, а на них заливались пока свободные от гнездовых забот соловьи...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.